

FRANK KOLB, *Literarische Beziehungen zwischen Cassius Dio, Herodian und der Historia Augusta*, Bonn, 1972, 196 стр.

(*Antiquitas, Reihe 4, Beiträge zur Historia Augusta — Forschung unter Mitwirkung von Johannes Straub, hrsg. v. Andreas Alföldy, Bd. 9*)

Богатая содержанием и плодотворными результатами серия исследований по *Scriptores Historiae Augustae*, издаваемая в Бонне, пополнилась интереснейшим исследованием Ф. Кольба. Во введении автор ставит три кардинальных вопроса историковедческого характера и посвящает им свое исследование. Здесь же кратко и очень ясно дается в основных чертах состояние этих вопросов в настоящее время и выдвигаются принципы, которым будет следовать автор в своей работе.

Ф. Кольб без одобрения относится к поискам (как некоторые считают, современника императора Септимия Севера и историка Кассия Диона) автора, давшего будто бы фактическую достоверную историю периода от царствования Нервы до начала правления Александра Севера. Этот историк («открытый» Эмманном¹) иногда отождествляется с Лоллием Урбином, упомянутым в *HA* («Жизнеописание Диадумена» 9, 2), продолжает существовать в исторических и филологических трудах вплоть до нашего времени. Р. Сайм², например, не соглашаясь с построениями предшественников, которые, по его словам, создают фантастические фигуры, достойные быть поставленными в один ряд с выдумками *HA*, все же выдвигает гипотезу о хорошем биографе, обозначаемом у него словом *Ignotus* («Неизвестный»), который в сущности обладает теми же качествами, что и постулируемый другими исследователями утраченный достовернейший историк. Р. Сайм относит к произведению своего неизвестного биографа — очевидца событий 193 г. в Риме — все то хорошее, подлинно историческое, что имеется в жизнеописаниях начиная с Адриана и кончая Каракаллой. *Ignotus* не рассказывал анекдоты и скандальные истории, и этим он был выше Светония. Такой автор не мог рассчитывать на успех у римской читающей публики, а потому компилятор *HA*, заимствуя доброкачественный материал у этого хорошего биографа, разбавлял его более легковесными сообщениями, взятыми у Мариа Максима. Кольб задает законный вопрос: почему бы сам *Ignotus*, принимая во внимание склонности своих читателей, наряду с сухими фактами, достоверность которых была вне сомнения, не мог сообщить также сведения анекдотического характера. Иными словами, Кольб не видит никакой пользы в гипотезе об утраченном абсолютно достоверном, строго фактическом повествовании исторического или биографического характера.

Более тщательное изучение соотношения между *HA* и сохранившимися другими источниками в первую очередь наводит на мысль о сравнении с Кассием Дионом и Геродианом. Яснее всего следы использования Геродиана видны в биографиях от Максимиана до Максима и Бальбина. Здесь Кольб делает интересное замечание методического характера: обычно думают, что использование одного автора другим сказывается в виде более или менее длинных эксерптов; однако заимствования из Кассия Диона и Геродиана сказываются в *HA* не обязательно в параллельных местах большого объема. Ввиду многочисленных больших расхождений между *HA* и Дионом обладающее число исследователей не признает зависимости биографов *HA* от Диона. Совпадения между ними объясняют влиянием общего источника. Кольб энергично восстает против мнения об использовании Дионом каких бы то ни было письменных источников. Он ссылается на мнение Ф. Миллара: «Возможность использования Дионом каких бы то ни было письменных источников не стоит обсуждать; исключение — автобиография Севера (LXXV, 7, 3)... Не исключена возможность, что он знал отчет о деяниях Севера, сочинение софиста Элия Антипатра... На примере Диона мы имеем благоприятную возможность изучать, каким образом находившийся в хоро-

¹ A. E m m a n n, Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser, «Philologus», Suppl. IV, 1884, стр. 377 слл.

² R. S y m e, Ignotus the Good Biographer, «Bonner Historia Augusta — Colloquium 1966/67», Bonn, 1968, стр. 131 слл.

ших условиях свидетель собирал и соединял информацию о современных ему событиях»³. Отпадает и предположение об общих источниках у Геродиана и Диона. Кольб намерен показать прямое воздействие Диона на *НА* и на Геродиана (это — его главная мысль).

Глава об использовании сведений Геродиана в *НА* начинается со следующего положения: Геродиан является главным источником для жизнеописаний начиная с жизнеописания Максимиана и кончая Максимом и Бальбином. Молчаливо отвергаются предположения о том, что ссылки на Геродиана в *НА* представляют собой позднейшие вставки. Прямо выдвигается методическое правило: принимаемое многими исследователями положение, будто античный автор, заимствуя сведения из другого автора, обязательно цитирует его дословно, не имеет под собой достаточного основания; заимствующий может передавать чужое сообщение своими словами, не прибегая к дословной или даже словесно более или менее близкой передаче.

Изложив вкратце рассказ Геродиана о заседании сената, последовавшем за провозглашением Максима и Бальбина Августами, а Геродиана III — Цезарем, и о дальнейших событиях, включая столкновение римского народа с солдатами, Кольб переходит к трактовке этих событий в *НА*. В биографиях материал Геродиана излагается по-иному: сообщения Геродиана взяты за основу и сохранены в существенных чертах, но они разбиты на четыре части и изложены в разных местах; порядок событий при этом изменен. Нет оснований думать, что отклонения от Геродиана возникли под влиянием какого-то другого источника. В действительности мы имеем здесь дело с своеобразной манерой работы биографа *НА*. Он не был серьезным историком и свободно оперировал заимствованными у Геродиана данными. Раздел заканчивается яркой иллюстрацией этого положения (стр. 17—18). Геродиан говорит в одном месте о ветеранах преторианцев (VII, 11, 2); по поводу того же события — в биографии Максимиана (20, 6) речь идет о преторианцах; в биографии Гордиана (22, 7, 9) они превращаются просто в ветеранов; в биографии Максима — Бальбина (8, 4; 9, 1) это опять преторианцы, которые оставались в Риме; наконец, в той же биографии Максима — Бальбина (10, 5) получается две категории людей — ветераны и преторианцы.

Вывод о произвольном обращении *НА* со своим источником получает в дальнейшем новое подкрепление. На выше рассмотренном примере констатируется: заимствуя материал из Геродиана, биограф дает и дословные эксерпты, и переделки, сокращения и дополняет, причем дополнения представляют собой то простые приукрашивания, то мнимые уточнения; нередко наблюдаются перестановки деталей. Так же поступает биограф и в других случаях (Геродиан VIII, 6, 8 ∞ Максимиан 24, 6; Геродиан VIII, 1, 8 ∞ Максимиан 10, 6; Геродиан VIII, 8, 3 ∞ Максим — Бальбин 14, 2; Геродиан VIII, 3, 5 ∞ Максимиан 23, 4 и др.). Руководствуясь такими наблюдениями, Кольб доказывает, что и «Римская история» Диона оставила свои следы в *НА*, и Геродиан использован в жизнеописаниях от Коммода до Каракаллы. Правда, замечает автор, обстоятельства для исследователя здесь менее благоприятны, так как в противоположность биографиям от Максимиана до Максима — Бальбина, где использован почти исключительно один источник (Геродиан), здесь в распоряжении биографа были разнообразные источники; в связи с этим можно лишь изредка встретить в *НА* более или менее обширные эксерпты из источников. Одни и те же погрешности у Геродиана и в *НА* должны служить бесспорным аргументом для вывода о зависимости биографий от Геродиана. Этот признак, однако, отпадает при сравнении *НА* с Дионом, так как сжатое изложение в биографиях не отражает всей полноты рассказов Диона, и в частности его погрешностей, которые имеются лишь в деталях, не интересовавших биографа. В отдельных местах *НА* есть, однако, такие погрешности; они получают объяснение только при помощи того освещения фактов, какое дает Дион. Здесь мы сталкиваемся с явным стремлением автора *НА* не повторять своего источника, поэтому в своем исследовании автор сосредоточивает внимание, во-первых, на случаях перестановки, во-вторых — на тех местах, где биограф дает типичную для него по

³ F. Millar, A Study of Cassius Dio, Oxf., 1964, стр. 122.

своей манере переделку сообщений источника, причем все же остается бесспорным заимствование из традиции, представленной Дионом (Геродианом). После этих предварительных замечаний Кольб переходит к основной части своего исследования — выяснению взаимоотношений не только между *НА* и двумя историками, но и взаимоотношений между этими двумя историками — Геродианом и Дионом.

Для начала Кольб берет рассказ о выступлении Коммода в амфитеатре. Связные сообщения дают Дион (LXXII, 18—24) и Геродиан (I, 15, 1—8). Биография Коммода в *НА* содержит по этому поводу лишь разбросанные по разным местам детали. Стоит хотя бы в сокращенном виде привести рассуждения Кольба, чтобы дать представление о способе его работы. Оба историка выдают себя за очевидцев события. Диону нельзя не верить: он среди других сенаторов действительно видел то, что описывает. Что же касается Геродиана, то здесь подозрительно уже то, что он, как показал Холь⁴, не имеет точных сведений ни о топографии Рима, ни о городских установлениях Рима, что ставит под сомнение его пребывание в столице в это время. Уже самые отклонения его от достоверных свидетельств Диона способны вызвать недоверие к его рассказам, а частичное неправдоподобие окончательно их дискредитирует. По Геродиану (I, 15, 1), Коммод заранее объявляет о своем выступлении — он будет поражать зверей и участвовать в гладиаторских играх. Такое объявление вызвало огромный интерес, так что на необыкновенное зрелище стеклось много народу из Италии и из соседних провинций. По Диону, наоборот, выходит, что многие воздержались от появления в этот день в амфитеатре из страха быть убитыми стрелами императора. Для иллюстрации исключительной меткости Коммода Геродиан утверждает, будто император превзошел в искусстве даже своих учителей — парфянских лучников и мавретанских копьеметателей. У обоих авторов Коммод велит соорудить галерею, из которой он намерен был поражать зверей, но у Геродиана галерея представляла собой окружность, тогда как у очевидца Диона она вдобавок еще проходила диаметрально по арене, деля последнюю на четыре части. Совершенно фантастическая подробность дается Геродианом по поводу расправы Коммода с быстро мчавшимися страусами. Пуская в них свои стрелы с наконечниками в виде полумесяца, он будто бы во время бега птиц срезал им головы. Отрезанная голова страуса фигурирует и у Диона, но в совсем ином контексте. По рассказу Диона, Коммод после описанного представления подошел к сенаторам, держа в левой руке голову страуса, а в правой — окровавленный меч (LXXII, 24, 1—2). Сенаторы поняли, что император грозит им смертью. Эта сцена послужила для Геродиана отправным моментом для создания детали о стрелах особой формы, позволявших Коммоду особым образом убивать страусов.

Риторической прикрасой является анекдотическое сообщение Геродиана (I, 15, 6) о стороже, которого Коммод метким выстрелом спас из когтей пантеры. Если Дион говорит, что Коммод убил сотню медведей, то Геродиан превращает это в убийство ста львов сотней копий (без всякого промаха). На основании таких рассуждений, построенных на наблюдениях Холя и своих собственных, Кольб считает совершенно опровергнутой тезу Холя о независимости рассказа Геродиана от рассказа Диона. Ведь, как это признает сам Холь, произведение Геродиана не подлинно историческое сочинение, а исторический роман, автор которого в своих целях произвольно переделывает детали, найденные им у Диона.

Преувеличения у Геродиана и в *НА*, представляющие собой амплификации данных Диона, наблюдаются и в рассказе о выступлении Коммода в качестве гладиатора. В книге анализируются сообщения историков о гигантомахии Коммода (стр. 34—37). В книге заговор против него и о его убийстве (стр. 38—46). Свое заключение Кольб формулирует так: Геродиан выхватывает из труда Диона увлекательные частности или сцены и вставляет их по своему усмотрению в другой контекст. Это манера скорее романиста, нежели историка.

⁴ E. Hohl, Kaiser Pertinax und die Thronbesteigung seines Nachfolgers im Lichte der Herodiankritik, «Sitzungsberichte d. Deutschen Akad. d. Wiss.», 1956, стр. 4.

римского народа в амфитеатре говорит Дион (LXXVIII, 8, 2), но в иной обстановке: когда галка уселась на вершину обелиска, все, увидя это, внезапно, как бы стоворившись, вскричали: «Марциалий, здравствуй; Марциалий, спустя некоторое время мы тебя увидели», — не потому, что галка так называлась, а потому, что они как бы под божественным наитием приветствовали через нее Марциалия, убийцу Антонина. Крик народа *НА* скомбинировала с тем его осмыслением, какое дал ему Дион.

Реакцию войска на убийство Каракаллы Геродиан (IV, 13, 7) рисует так: воины тяжело переживали это событие, потому что они утратили товарища по военной жизни, а не начальника. Они не подозревали злого умысла со стороны Макрина, думая, что Марциалий отомстил за личную обиду. О том, что Макрин оставался в стороне и не вызывал подозрений, говорит и *НА* («Жизнеописание Макрина» 4, 7—8). По мнению Кольба, это — выдумка Геродиана, повторенная биографом. Не то у Диона (LXXVIII, 11 сл.). Он говорит о колебаниях Макрина перед принятием императорской власти, чтобы не казалось, что он убил Каракаллу с целью самому сесть на его место, т. е. и без того всем было известно, кто истинный убийца Каракаллы, а принятие убийцей императорской власти сразу открывает всем глаза на побудительные мотивы его действия — не только месть, но и честолюбивый замысел захватить в свои руки власть. Игнорируя, точнее, стремясь игнорировать это обстоятельство, Геродиан и *НА* все же в некоторых местах обнаруживают непоследовательность, становясь на точку зрения Диона (стр. 134).

Подводя итоги, Кольб и здесь приходит к убеждению, что Дион был источником и для Геродиана, и для *НА* и что ни о какой независимости от Диона традиции говорить не приходится. Биограф частью перевел на латинский язык сообщения Диона и Геродиана, частью переоформил их, частью разделил и раздробил их, частью перемешал.

В рецензии нет возможности передать весь ход аналитической работы Кольба. Достаточно будет сказать, что после разбора больших рассказов Диона и Геродиана и отражения их в *НА* Кольб в двух последних разделах своей книги (стр. 138—158) обращается к отдельным небольшим сообщениям Диона (и Геродиана) в *НА*. И здесь Кольб находит вполне хорошее обращение биографа с данными историков, и здесь имеются переделки и перестановки.

Заключительный отдел книги (стр. 159—162) содержит итоги исследования, сформулированные в четырех пунктах. 1. Ряд сообщений *НА* можно объяснить только прямым или косвенным заимствованием из Диона. *НА* сокращает обстоятельные рассказы Диона. Хотя состояние текста истории последнего не позволяет нам делать вполне надежные выводы, однако несомненно, что больше всего использован Дион в жизнеописании Дидия Юлиана. Там, где раньше видели в *НА* следы заимствований из Мариа Максима или неизвестного анналиста (или биографа), Кольб усматривает следы влияния Диона. Кольб предполагает и не прямое использование Диона. Не исключена возможность использования в *НА* латинского перевода Диона, скорее всего перевода сокращенного: с другой стороны, Дион, бесспорно, много читался в III и IV вв. н. э. (ср. его влияние на Аммиана Марцеллина). Трудно допустить, что какой-нибудь автор, промежуточный между Дионом и *НА*, включил в свой труд большие отрывки из Диона, приводя их дословно, и Кольб дает понять читателю свое отрицательное отношение к такого рода предположениям. 2. *НА* использовала Геродиана, начиная с конца жизнеописания Марка. В жизнеописаниях, начиная с Максимиана и кончая Максимом — Бальбином, единственным источником был Геродиан. 3. Самым важным источником для Геродиана была «Римская история» Диона. К своему источнику Геродиан отнесся слишком легко, не оправдывая своего обещания быть добросовестным историком. В его риторически окрашенном, бедном фактами произведении видно стремление давать красочные драматические рассказы, так что получается скорее исторический роман в виде серии законченных сцен, прерываемых неглубокими морализирующими сентенциями. В поисках нужных ему эффектов он не только переделывал свой образец, но и переставлял сцены в другой контекст. 4. Способ использования источников в *НА* вполне соответствует тенденциям, обна-

руженным исследователями этих биографий: переделки заимствованного материала, перестановки, даже фальсификации, часто с целью подшутить над читателем, ввести его в заблуждение. В жизнеописании Дидия Юлиана биограф полемизирует с изображением этого императора у Диона и Геродиана и дает свое собственное изображение с такой убедительностью, что наводит на ложный след современных ученых, которые видят в *НА* отражение традиции, не зависящей от наших других источников.

Автор считает Диона не только основным, но в сущности единственным источником для Геродиана и биографий *НА*; каких-либо других источников для них, во всяком случае более или менее значительных, не предполагается. Отвергается а *l'imine* всякая мысль о независимости Геродиана и *НА* от Диона. Что касается оценки *НА*, то Кольб стоит здесь на сравнительно твердой почве — все исследования последнего времени подтверждают уже давно высказывавшиеся априорно сомнения в ценности этих биографий (по крайней мере очень значительной части их) как независимого исторического источника. Вера в сообщения биографа с точки зрения их достоверности уже сильно подорвана современными исследованиями. Со всем этим трудно не согласиться. Все же может возникнуть сомнение. Мы узнаем из Диона, вернее из фрагментов его сочинения (LXXIII, 16, 5), что Дидий Юлиан «убил и много детей для ворожбы, как будто он будет в состоянии что-либо предстоящее отвратить от себя, если бы узнал об этом наперед» — *ἐπεινε δὲ καὶ παῖδας σὺχνοὺς ἐπὶ μαγικαῖς τέχναις, ὥς καὶ ἀποστρέφαι τι τῶν μελλόντων, εἰ προμάθοι αὐτὰ θυνησόμενος*. Здесь естественно обратиться к одному месту *НА* в биографии Альбина (7, 9—11), где сказано: «Юлиан дошел до такого неразумия, что во многих случаях прибегал к услугам магов, думая (таким путем) либо смягчить ненависть народа, либо связать оружие воинов. Они заклали некоторых жертвенных животных несогласно с правилами римских священнодействий и произносили свои не освященные религией заклинания, а Юлиан совершил гадание с зеркалом, во время которого, говорят, завязывают мальчишкам глаза, над головой их произносят заклинания, а потом велит смотреть в зеркало». Кольб не касается этих мест. Легко в его духе объяснить зависимость *НА* от Диона: одно из двух — или подробности, сообщенные биографом, имелись в полном тексте Диона, либо биограф сам от себя развернул то небольшое, что дает сохранившийся фрагмент Диона, опустив при этом неприглядную подробность об убийстве мальчишек. Нелегко, однако, примирить сообщение *НА* с тезисом о самостоятельной переработке биографом имевшегося в его распоряжении материала в благоприятном для Юлиана направлении. Ведь биограф начинает свое сообщение словами о неразумии Юлиана — *fuit praeterea in Juliano haec amentia*. Не наводит ли это скорее на мысль, что свои более или менее апологетического характера сведения о Юлиане биограф почерпнул из какого-то источника и с освоенной ностью добавил от себя или из другого источника приведенное раньше сообщение о магических действиях, к которым прибегал в силу своего неразумия император.

Более серьезными представляются сомнения, возникающие по поводу трактовки Кольбом Геродиана. Относительно последнего Кольб целиком принимает выводы Холя, согласно которым история Геродиана представляет собой исторический роман. Взаимоотношения между Геродианом и Дионом сводятся, по мнению Кольба, к тому, что первый всецело зависит от второго; сообщения Диона Геродиан изменяет, дополняет и расцвечивает по своему усмотрению, получая эффектные, впечатляющие рассказы. Риторическая манера письма, умение и желание подносить читателю события красочно и ярко — действительно характеризуют Геродиана. Но следует ли из этого, что ему достаточно было иметь перед глазами один только источник — историю Диона, чтобы, пустив в ход свое воображение и все силы своего писательского таланта, создать свое произведение, столь часто отклоняющееся от сообщений Диона при передаче исторических фактов? Сам Геродиан (I, 1—2) говорит о себе, что он не от других (писателей) получил свой материал, а сам со всей тщательностью собрал его, добавляя при этом, что события, о которых он пишет, еще свежи в памяти будущих читателей. Отнюдь не обязательно видеть в этих словах историка праздное хвастливое заявление. Действительно, Геродиан описывает свое время, так что не только пер-

вое поколение его читателей, но и ближайшие одно-два поколения были современниками всех или хотя бы части описываемых им событий. Затем человек, собирающий сведения о современных ему событиях, не может обойтись без устных источников, т. е. без устных рассказов современников. Историческое событие порождает зачастую множество слухов, в которых само событие преломляется самым различным образом. Отклонения от достоверных рассказов Диона скорее всего следует приписать параллельной устной традиции, которую охотно использовал Геродиан, чтобы обогатить свою историю рядом увлекательных картин. Вокруг городских и дворцовых новостей не могли не возникнуть разнообразные слухи. Нам известно, что в Риме существовало особое выражение для обозначения распространения слухов вокруг дворца — *fumus (fumos) vendere*, причем упоминание о продаваемом дыме означает неосновательность слуха. Впервые мы встречаемся с этим выражением у Марциала (IV, 5, 7), когда он, выражая недоумение по поводу переселения в Рим хорошего бедного человека, язык и сердце которого правдивы, перечисляет все непорядочные и нечестные занятия, какими можно добывать в столице средства к существованию. Одно из них — *vendere... vapores circum Palatia fumos* «продавать... пустые дымы вокруг дворца», т. е. заниматься распространением вздорных сообщений о том, что делается во дворце. Это место Марциала не позволяет нам думать, будто сочетание *vendere fumos*, не раз встречающееся в *НА*, возникло лишь в IV в., которым датируется *НА*, или незадолго до того. И стих Марциала, и соответствующее место из *НА* убеждает в том, что отмеченное выражение относилось к лицам, которые, пользуясь своей действительной или мнимой близостью к носителю верховной власти, пускали в ход живые сообщения с корыстной целью. Яснее всего это сказано в биографии Гелиогабала (10, 3). Любимец императора Зотик «торговал всеми словами и поступками Гелиогабала (*qui... omnia Heliogabali dicta et facta venderet fumis*), накапливая огромные богатства преимущественно тем, что морочил людей: «одним он угрожал, другим давал обещания, всех обманывал» (см. и другие места — «Антонин Пий», 11, 1; «Александр Север», 23, 8; 36, 2—3). Этот специфический источник слухов не был, конечно, единственным. Слухи рождались во дворце, около дворца и в городе Риме, ходили не только в столице, но и вдали от нее. Там, где Дион писал на основании увиденного, пережитого или дворцовых слухов, полученных из первых рук, Геродиан пользовался циркулировавшими в Риме и вне его слухами. В этом, может быть, и состоит особая ценность его труда. Возьмем в качестве примера два-три сообщения Геродиана. Мятеж, произошедший в царствование Коммоды и направленный против его фаворита Клеандра, описан не совсем одинаково у Диона-Кассиолина (LXXV, 12—13) и Геродиана (I, 12, 3—13, 6). У Геродиана прежде всего нет точных топографических указаний, какие имеются у Диона; ситуация сравнительно с Дионом упрощена. Главное же, Коммоду открывает глаза на происходящее не его наложница Марция, а его сестра Фадилла. Очень трудно было бы объяснить, почему для драматической сцены, какую дает Геродиан, не годилась Марция и обязательно нужна была императорская сестра. Все становится понятным, если мы допустим, что лица, более или менее близкие к двору, в том числе сенаторы, знали, что Коммода уведомила об этом Марция, а в народе ходила другая версия, приписывавшая эту роль достаточно известной в городе Фадилле, вдове погубленного некогда Клеандром Бирра (или Бурра).

Скандалный способ, каким Дидий Юлиан приобрел свою власть, разумеется, не мог не породить разные рассказы, в которых подробности события передавались по-разному. Дион (LXXXIII, 11, 3) выбрал для своего сообщения один из ходивших вариантов, Геродиан (II, 6, 4) — другой.

Столь же понятно, что произошедшее при своеобразных обстоятельствах, к тому же вдали от Рима, убийство Каракаллы обставлялось в устных рассказах разными подробностями. Геродиану не было надобности переделывать Диона, если до него дошел устный рассказ, независимый от того рассказа, какой оказался в руках у Диона.

Высказанные нами соображения отнюдь не противоречат твердо установленному факту — умению Геродиана приукрашивать свои рассказы всеми средствами, доступными писателю, получившему в духе времени риторическое образование. Мы пред-

почли бы, однако, воздержаться от приписываний ему стремления создавать свои версии, т. е. фантазировать на почве рассказов Диона. Рецензируемая книга Кольба знаменует собой важный этап в изучении взаимоотношений памятников античной историографии, в которых нашли отражение события одного из интереснейших периодов истории Римского государства.

А. И. Доватур

P. BRIANT, Alexandre le Grand, Paris, Presses Universitaires de France, 1974, 128 стр.

Книга преподавателя древней истории Университета им. Франсуа Рабле (гор. Тур, Франция) Пьера Бриана вышла в известной серии «Que sais-je? Le point des connaissances actuelles». Несмотря на научно-популярный характер книги (краткость изложения, сравнительно небольшое число примечаний, ограниченность прямых ссылок на литературу), она заслуживает самого пристального внимания как яркий показатель определенной тенденции в современной западной литературе, посвященной Александру Македонскому. В последние годы все чаще появляются работы¹, в которых его личность и деятельность рассматриваются не сквозь призму идеализации и не с точки зрения выявления неких иррациональных побуждений героя — сверхчеловека (как в книгах В. Тарна, Ч. Робинсона, Ж. Раде, П. Клоше, отчасти Ф. Шахермейера²). Последовательнее других по этому пути идет П. Бриан. Стремление выявить реальные мотивы деятельности Александра, понять их, исходя из той конкретной исторической обстановки, в которой она разворачивалась, понять мотивы и характер действий противников македонского царя, исходить из данных источников, а не из предвзятых идей — таковы основные принципы подхода П. Бриана к исследуемым проблемам. Он резко и часто весьма ядовито полемизирует с историками, видящими в Александре «поэта», поход которого был продиктован стремлением познать неизвестное. Весьма критичен П. Бриан и к идеям тех, кто считает, что оценивать поступки великого завоевателя, исходя из норм «обычной психологии», невозможно.

Как П. Бриан указывает в предисловии, его работа не является биографией Александра: «Я пытаюсь изложить главные аспекты исторического феномена, который нельзя сводить только к личности Александра, сколь бы важным ни признавать личный элемент» (стр. 5).

Композиция книги не совсем обычна: после введения «Александр до высадки в Азию (356—334)» следуют пять глав: в первой конспективно излагается ход завоевания Востока, а четыре последующие главы посвящены важнейшим проблемам этого исторического периода: причины и цели завоевания Александра (гл. II); характер сопротивления и его значение (гл. III); организация завоеванной территории (гл. IV); отношения между завоевателями и завоеванным населением (гл. V). Поскольку существует четкая система взаимных отсылок между первой и последующими главами, изложение конкретного материала достаточно органично увязывается с более теорети-

¹ См., например, R. D. Milns, *Alexander the Great*, L., 1968; P. Green, *Alexander the Great*, L., 1970.

² W. W. Tarn, *Alexander the Great*, vol. I—II, Cambr., 1948; Ch. A. Robinson, *Alexander the Great. The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood*, N. Y., 1947; G. Radet, *Alexandre le Grand*, P., 1950; P. Cloché, *Alexandre le Grand*, 2e ed., P., 1961; F. Schachermeyr, *Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*, Wien, 1973.